

уже давно находятся в центре внимания интеллектуалов, формирующих свои представления уже о постинформационном обществе. Структура информационного общества определяет социальные функции постклассической философии в производстве информации, в информационных структурах общества. Контуры постклассической философии намечаются в осмыслении социально-философских проблем информационного общества.

С.А.Никитин
г. Екатеринбург

РИТОРИКА ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ

Одной из отличительных черт западноевропейской рационалистической философии было стойкое и последовательное неприятие риторики. Близко к сердцу восприняв очевидную связь между риторикой как искусством красноречия и софистами как учителями красноречия и, подменив риторику софистикой. Платон устами Сократа назвал риторику “споркой” и “угодничеством низменным страстям”. К диалогам Платона восходит и предложение заменить риторику логикой, которое в последствии, в “Риторике” Аристотеля, будет развернуто в учение о том, что в сердцевине искусства красноречия покоится логика вероятности. Но уже

у Платона, в “Федре”, искусство красноречия предстает искусством говорить логично. Известно, сколь важно для последующих судеб философии то, что обрели в спорах с софистами Сократ и Платон. Далеко не столь очевидна ценность утраченного ими.

История риторики прихотлива, и два тысячелетия спустя она уже непохожа на то искусство красноречия, которое порицал Сократ. Но и в конце XVII в., несмотря на все усилия философов, риторика не стала разделом логики и не исчезла. Она была отнесена в сферу исследования литературы и искусства, и в этой области потерпела свое самое значительное поражение.

Обучение искусству красноречия неизбежно должно было сопровождаться созданием науки о приемах красноречия. В XVII – XVIII ст. возобладало представление о клишированном характере риторических приемов, объяснимое, с одной стороны, воздействием эстетики классицизма, но с другой, ставшими уже философской традицией попытками показать, что риторика – это несостоявшаяся или несовершенная логика. Философия эпохи романтизма, ищущая в искусстве все то неповторимое и недосказанное, что объемлет понятие “стиль”, отвергла риторику, воспринятую как классификацию штампов и клише, в пользу стилистики. Быть может, закономерно, что именно в такой изгнанной уже отовсюду риторике, которой реально угрожала участь еще одной “отвергнутой науки”, родилась теория Пьера Фонтанье. Фонтанье близко подходит к переосмыслению самого понятия риторики, центром которой становится теория порождения новых смыслов. А это означает, во-первых, что и обыденный язык не чужд двусмысленностей, вызывающих

к языкотворчеству, и, во-вторых, что риторика несводима к исследованию специфических и экзотических форм языка.

Утверждение, что риторика – это прежде всего исследования парадигм языка, может стать исходной точкой объяснения всех злоключений риторики. И здесь Фонтанье чрезвычайно близок Ницше, рассматривающий метафоричность как неотъемлемое свойство человеческого восприятия и воспроизведения реальности: “Возбуждение нерва становится изображением! Первая метафора. Изображение становится звуком! Вторая метафора. И каждый раз полный прыжок в совершенно чуждую область” Познание и интеллект, истина и наука являются на свет вследствие стирания ритмичности языка. Ставкой в игре логики и риторики является власть над дискурсом. Используя стертые метафоры, логика создает тюрьму понятий, но “основное побуждение человека – побуждение к образованию метафор” заставляет его бежать из этой тюрьмы к мифу и искусству.

В наше время риторика переживает возрождение. Интерпретируя риторические идеи Ницше, Поль де Ман пишет о двойственности риторики, которую можно рассматривать как искусство убеждать и как науку о приемах убеждения. Риторика поэтому способна вызывать как эффект убеждения, так и эффект разубеждения одними и теми же приемами и практически одновременно. Эту двойственность риторики по-разному используют философия и литература, представляющие противоположными командами в игре на поле риторики. Осознание этих старых споров позволяет говорить о современной ситуации как о ситуации кризиса, когда решение еще не принято, хотя его принятие неизбежно. То, что это решение позволит иначе взглянуть на рациональность философии и риторические основания философского текста само собой разумеется.

Д.В.Пивоваров
г. Екатеринбург

СХОЛАСТИКА КАК КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ

Схоластика есть христианизированная философия неоплатонизма и, позднее, аристотелизма, которая культивировалась в монастырских школах и университетах Западной Европы в 9 – 14 вв. Эта философская культура наследовала и преумножила достижения патристики; “отцы церкви” (Тертуллиан, Августин и др.) развили во 2 – 8 вв. систематическую догматику Св.Писания и, примирив христианство с неоплатонизмом, заложили основы философии христианства. Как и в патристике, в схоластике на первом плане – теологические идея Откровения и идея Бога как безусловного бытия.

Средневековые “учители философии” методически упорядочивали и разъясняли студентам колледжей и обучаемой христианству публике догматическую конструкцию “отцов церкви” Углубление катехизации требовало от них, во-первых, постоянно обновлять и расширять категориальный фонд онтологии и теории познания, во-вторых, оттачивать дедуктивную технику развертывания аксиоматики “истин Откровения”, интуитивно постигаемых, в дискурсивные философские истины, доступные разуму простого человека. Схоластики усовершенствовали диалектический метод и существенно обогатили язык философии, ввели в